

Джек Козинс

**оружие времен
античности**

Jack Coggins

**soldiers
and warriors**

An illustrated history

Джек Коггинс

оружие времен античности

Эволюция вооружения Древнего мира

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 355/359
ББК 68
К57

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Коггинс Дж.
К57 **Оружие времен Античности. Эволюция вооружения Древнего мира / Пер. с англ. В.Д. Кайдалова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 220 с.**

ISBN 978-5-521-73319-4

Исследование Джека Коггинса охватывает период ранней Античности, вплоть до Пунических войн. Анализ тактики и стратегии ведения боя, традиционных для Египта, Рима, Греции, Фив, Македонии и других древних цивилизаций, дополняется подробным описанием видов оружия и обмундирования.. Автор уделяет особое внимание военным рангам — колесничие, лучники, щитосцы, копьеносцы — и типам построения войска — роты, легионы, корпуса, фаланги, — отмечая их достоинства и недостатки. Каждое из военных сражений предстает в книге важным звеном, формирующим мощную движущую силу эволюции истории.

**УДК 355.359
ББК 68**

ISBN 978-5-521-73319-4

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2009

Тем, кто во дни, когда небеса обрушались,
И в минуты, когда колыхалась земная твердь,
Выполняли команды своих кондотьеров
И брали плату за свою смерть.

Их плечи были опорой для неба,
Они держались, и держалась земная твердь,
Что покинул Бог, они защищали,
Хоть деньги свои получали не все.

Эпитафия армии наемников

ВВЕДЕНИЕ

В Древнем Риме существовал храм, посвященный двуликому богу Янусу. По давней традиции двери его открыты только во времена, когда Рим находился в состоянии войны. История повествует, что за время, прошедшее с основания этого храма, которое приходится примерно на VII столетие до начала христианской эры, двери храма были закрыты только четыре раза.

История жизни на нашей планете покоится на крови, причем в современном цивилизованном обществе конфликты стали еще более кровавыми и разрушительными. Безответственные политики и религиозные лидеры видят в войне средство достижения своих целей, хотя большинство людей и страшится ее. Человечество в целом остается тем, чем оно было, и войны по-прежнему происходят и, похоже, еще долго будут происходить.

Потому что мы унаследовали те животные инстинкты — жестокость, жадность, зависть и прочие неизменные чувства, — которыми были наделены природой наши дальние предки. Наши учебники истории, наши патриотические песни, наши национальные герои, наши предания по-прежнему сеют в юных душах семена, из которых в конце концов произрастают вооруженные воины. То обстоятельство, что современные войны неизмеримо более смертоносны, чем любые другие, о которых нам известно, не останавливает нас.

Клаузевицу принадлежит высказывание, что война является продолжением политики. Очевидно, мы настолько привыкли к пустопорожней болтовне наших политиков, что без возражений принимаем утверждение, что война, в которой сгорят без следа миллионы мужчин, женщин и детей, а несчетное количество других станут калеками, является неизбежной, своего рода моментом истины и для каждого человека, и для государства.

Я питаю глубочайшее уважение к солдатам всех стран мира, как офицерам, так и рядовым. Именно на их плечи ложится выполнение самых трудных решений в истории, и именно они приносят величайшие жертвы, а зачастую отдают жизнь. В последние десятилетия стало привычным возлагать вину за возникновение военных кризисов на политиков; но при этом забывается, что подобные действия последних возможны лишь благодаря молчаливому одобрению или, по большей части, безразличию основной массы населения.

Национализм, расизм, стремление к экономическому превосходству, религиозная нетерпимость — все это играет свою роль в сооружении погребального костра, в огне которого может сгореть вся человеческая цивилизация.

Сколь бы ни было неприятно это осознавать, но истина состоит в том, что большинство граждан всех стран мира столь мало склонны к осмыслению происходящего вокруг, что понимание даже самых простых проблем всего мира им недоступно. Все они, практически без исключений, поглощены решением своих личных или местных проблем, будучи жестко вписаны в порядки, установленные их собственной расой, вероисповеданием, географическим положением, экономическим и социальным положением.

Все усилия немногих интернационально мыслящих людей бессильны будут спасти человечество, если только не появится новый тип мышления у тех молодых людей, которые унаследуют нашу перенаселенную планету. Если же националисты, исповедующие принцип «прежде всего — моя нация, моя страна», суперпатриоты, расисты и религиозные фанатики приобретут решающий голос в между-

народных делах, тогда в весьма недалеком будущем в космическом пространстве будет нестись совсем другая планета — ненаселенная и ненаселяемая.

Вспомним, что большинство народов представляют собой многоязычную смесь перемешавшихся между собой рас, физически очень похожих друг на друга. Почему же в таком случае воины отдельных племен или наций сражались лучше или более успешно, чем другие, или, что еще более интересно, почему в какую-то эпоху лучше, чем в другую?

Войска, следовавшие за фараоном Тутмосом III к Евфрату, состояли, без сомнения, из отважных воинов, однако вряд ли можно найти менее воинственный народ, чем тот, который населяет долину Нила в наши дни. Хвастливые генералы, командовавшие дивизиями Муссолини, намеревались выстроить вторую, еще более величественную, Римскую империю. Но когда их солдаты толпами сдавались в плен абиссинцам или бежали по ливийским пескам, преследуемые солдатами Уэйвелла¹, отважные легионеры Рима, своими мечами создавшие Древний Рим, должны были переворачиваться в своих могилах, разброшенных по всей тогдашней ойкумене.

Но что же тогда делает человека выдающимся воином? Не раса, поскольку народ, прославившийся в одном столетии своей воинственностью, в следующем может превратиться в легко покоряемую толпу. И не обязательно отвага и физическая сила, хотя они всегда и являлись атрибутом хорошего воина, — сплошь и рядом солдаты цивилизованных стран побеждали орды варваров, намного превосходивших их в физической силе и жестокости.

Лучшее оружие? Иногда да, но далеко не всегда. Редко когда одна из сражающихся сторон обладает явным и за-

¹ Уэйвелл Арчибалд Персивал — британский фельдмаршал, граф. Участвовал в Первой мировой войне. В начале Второй мировой войны руководимые Уэйвеллом войска одержали победы над итальянскими войсками в Киренаике (декабрь 1940 — февраль 1941) и Восточной Африке (январь—май 1941). С июня 1943 г. по февраль 1947 г. вице-король Индии. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примеч. пер.)

метным превосходством в вооружении, да к тому же нередко его эффективность снижается другими факторами, чаще всего заметной малочисленностью.

Воинская дисциплина — существенный фактор. И все же бывали случаи, когда, движимые действенными мотивами, сборища плохо вооруженных и неподготовленных граждан побеждали регулярные войска. Патриотизм? Это облагораживающее, восхваляемое, но зачастую иррациональное состояние сознания в отдельные моменты может сыграть определенную роль, но профессиональные наемники, многие из которых имели весьма весомые основания держаться как можно дальше от родимых мест, часто побеждали гораздо более многочисленные (но менее воинственные) армии патриотов.

Религия? Очень часто это решающий фактор, если только верующий еще и подготовленный воин. Очень трудно противостоять воину, который всем сердцем верит в то, что его Спаситель, пророк или личный джу-джу¹ придает силу его мечу и прочность его щиту. Прибавьте к этому убежденность в том, что смерть в битве с врагами веры немедленно вознаграждается вознесением в лучший мир или, если таков его вкус, дает ему возможность усладить свой слух звуками арфы либо свою плоть — любовью гурий, и мы имеем почти непобедимого воина. «Сила моя — это сила десятерых, — написал как-то поэт, — поскольку сердце мое чисто». И все же зачастую отряды воинов-профессионалов, не отмеченные ни чистотой сердец, ни набожностью, обращали в бегство толпы верующих. Силы зла (всегда лучше вооруженные) обычно побеждали, и почти наверняка все, что могли обрести смиренные духом, ограничивалось могильной ямой или рабским яром.

Но когда мы говорим о религии, в это понятие следует включать не только веру в Бога и в божества, но также и веру в экономическую систему или в образ жизни. И наряду с убежденностью в том, что какая-либо форма правления или экономическая система превосходит другую,

¹ Д ж у - д ж у — в некоторых африканских племенах и верованиях — шаман, заклинатель, чудотворец-профессионал.

люди могут быть убеждены также и в том, что какое-либо племя, нация или же раса превосходит любую другую. Это подпадает под определение «патриотизм», что до определенной степени вдохновляет профессиональных солдат, но совершенно не вдохновляет наемников.

Гораздо более важна вера в то, что какая-либо рота, легион или корпус превосходит любую другую часть войска. Эта честь мундира или корпоративный дух, назовите как угодно, есть нечто такое, что может ощущаться любым сообществом людей. Это внутреннее пламя, однажды разожженное, должно терпеливо поддерживаться на протяжении многих лет: эпизодами из истории полка, былой славой и сегодняшними достижениями. В критический момент, раздутое полошущимися знаменами, звуками медных труб, резкими свистками сержантов или негромкими приказами отца-командира, оно превращается в яркое пламя, которое может бросить обычных людей даже на штурм адовых врат. И нет ничего удивительного в том, что прошедшие огонь и воду наемники, из которых состояли легионы императорского Рима, обожествляли своих орлов — значки легионов, которые вздымались над их головами. Для них эти позолоченные птицы символизировали самую душу их сообщества; в них воплощался дух их корпуса.

Процесс этот представляет собой некую тайну; каким-то непостижимым образом неуловимый дух сплачивает разрозненные личности в монолит, движимый уверенностью в своем превосходстве и непобедимости. Возьмите человека, исполненного таким духом; наденьте его необходимой телесной и духовной силой; добавьте изрядную долю природной сметливости; снабдите его оружием и снаряжением; привейте ему дисциплину и поставьте над ним командира — и вы получите идеального солдата. По моему мнению, больше с таким человеком и не надо возиться; нет никакой необходимости вдавливать в него тот или иной «изм». Для него вполне достаточно получить приказ без всяких дополнительных разъяснений. Время, которое затрачивается на слушание лекций на тему «Почему воюем?», он с куда большей пользой может провести на стрельбище. Я не имею в виду, что идеальный боец

представляет собой всего лишь невозмутимого, недумающего, лишённого воображения робота. Война, в особенности война современная, слишком сложная вещь для этого. Но мышление его должно быть ограничено лишь теми проблемами, которые относятся к его профессии. О международных или политических последствиях тех или иных решений пусть заботятся офицеры из высшего командования.

В последнее время стало модным смеяться над выражением «Не их дело рассуждать о том, почему...». Мне же подобная тенденция представляется весьма опасной. Она отражает общую тенденцию гражданских авторов, поскольку наши армии ныне все в большей степени становятся армиями гражданскими, что может привести к плачевным результатам. Предположить, что кавалерист 17-го уланского полка или 13-го драгунского полка будет спрашивать, почему он должен идти в атаку, — значит нанести удар по самой сути того, что делает солдата солдатом. Любая атака до определенной степени есть бросок в Долину смерти. Сплошь и рядом порой кто-то трусит, но чтобы потворствовать рядовым и начать обсуждать все за и против атаки — такая ситуация представляется просто невыносимой.

Уже на заре истории каждое племя, государство и народ значительную часть своего существования проводили в состоянии войны. Выделить какую-либо особо доблестную армию или подразделение на переполненных батальями страницах истории представляет собой весьма трудную задачу. Но эта книга отнюдь не о героических подвигах, и наши симпатии не могут по большей части быть на стороне солдат тех армий или организаций, о которых пойдет речь. Среди древнеримских воинских доблестей не было места доброте и милосердию. Не без причин женщины и дети вместе со жрецами и монахинями возносили к небу мольбы об избавлении от ярости норманнов; да и деяния блестящей испанской пехоты в Нидерландах ужасали даже в те не избалованные гуманизмом времена.

Но надо помнить, что поведение обычного солдата тех дней было лишь отражением жестокого времени, в котором он жил. Расправляясь не задумываясь со своими жерт-